

Н.В. Крицкая

Лингвопоэтический аспект поэмы Марины Цветаевой «Молодец»

Поэма «Молодец» является лучшим фольклорным произведением Марины Цветаевой. Она была завершена в Чехословакии («Прага, Сочельник 1922»), а в 1923 г. в текст были внесены последние поправки. Написание «Молодца» частично приходится на критический период жизни Цветаевой в эмиграции. Поэма-сказка увидела свет в Праге в 1924 г., но в России она была полностью напечатана лишь в 1988 г. Первая публикация «Молодца» вызвала широкий отклик в эмигрантской прессе.

Исходным сюжетом для Цветаевой стала история о вампире, а опорой – народная сказка «Упырь» из собрания Афанасьева, где связаны воедино традиционная легенда об упыре и сказка о цветке, который превращается в прекрасную девушку. Н.К. Телетова в своей статье «Поэма Марины Цветаевой «Молодец» [1] из неназванных источников указывает «Аленький цветочек» Аксакова и фольклорно-апокрифические стилизации А. Ремизова, которую почитала Марина Ивановна.

Цветаева в своем понимании «сути» афанасьевской народной сказки возвращалась к язычеству, минуя все последующие, в том числе и христианские, акценты, – соответствующее отношение к упырям и нечистой силе как явлениям отраженного мира. Огненные стихии, природные начала господствуют в поэме.

Прикасаясь к христианским догмам, Цветаева естественно проходит сквозь них в иное измерение. она изменила фабулу сказки в главном – у нее Маруся, полюбив всеми силами, идя на страшные жертвы, стремится соединиться с Упырем.

Именно любя Упыря, Маруся оставляет мужа и сына и, вместо того чтобы счастливо зажить с ними, улетает «в огонь синь»:

*Зной – в зной,
Хлынь – в хлынь!
До – мой
В огонь синь.*

Вся поэма написана драматично, взрывчато. С одной стороны, мы воспринимаем живописность, пластичность; с другой – огромное внутреннее сверхчеловеческое напряжение.

Словесное колдовство, своеобразная игра с ритмом, музыкой оказывается на уровне поэтики «Молодца»: внутренним принципом построения поэмы является пляска, символизирующая разгул стихии. С пляски начинается «зачаровывание» героини, вихрем взлетают Маруся и Молодец в финале поэмы. Внутренним стержнем «огненной» пляски является особый магический ритм, нарастающая динамика движения, ср. строфы первой части поэмы:

*Ой да што ж!
Ой да где ж!
Уж и силушка в обрез»*

*Близь – в близь,
Сердь – в сердь,
На – жысть,
На – ...*

В данном случае ритм играет смыслообразующую роль и наглядно воплощает динамическую смену событий.

Стихотворный размер «Молодца» в равной степени неустойчив и сам рождает неустойчивость. Произведение в основном состоит из коротких строк, построенных по неправильным строфическим схемам. Метрическая ткань «Молодца» «огрублена» неравносложными строками, смежными ударениями, выдержана схема перекрестной рифмовки с чередованием мужской и женской рифмы:

*Синь да сгинь – край села,
Рухнул дуб, трость цела.
У вдовы у той у трудной
Дочь Маруся весела.*

В поэме встречается чередование дактилической и мужской, гипердактилической и женской рифмы:

*– Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода!*

---

*Бегут русы,
Бегут круты,
Шелком скрученные –
Эх!*

Языковые средства в художественном тексте важны не только для выражения авторской идеи, но вместе со смыслом художественного текста вызывают сопереживание такой силы, что очищают душу читателя.

Слово в поэзии – это прежде всего звук. В «Молодце» звуковая образность создается за счет не преднамеренного подбора слов с требуемым фонетическим составом.

*Хочу, страчу!
Хочу, спрячу!
Пляшет. Плачет.
Плачет. Пляшет.*

*Вплавь. Вскачь.
Всё – в раз!
Плач. Пляс.*

В поэме активно используется прием звуковой организации строки – аллитерация. Сочетание звуков *ч, с, т* ассоциируется с боем часов, которые вот-вот пробьют роковую полночь, когда цветок превратится в девушку:

*Час – тысячегруд,
Час – тысячеуст.*

Шорох ночи, шепот влюбленных сплетаются воедино, создав виртуальный мир Марины Цветаевой. Достигается этот эффект сочетанием шипящих и глухих согласных (*п, ш, щ, ц, т, к, с*). Но постепенно эти звуки начинают выполнять иную функцию: глухие зло шипят и свистят, создавая тревожное настроение, ассоциируясь с предстоящей бедой, как бы накликают ее. Особенно это слышится в описании плясок:

*Пляши, Маша,
Пляши, Глаша,
Да по-нашёнскому –
Эх!
Моя – краше,
Твоя – краше,
А у гостя – краше всех!*

Ассонанс – повтор гласного *о*, *а* – создает дополнительный простор, придавая прозрачность звучанию:

*Грянули стёклы:
Рдяные копны!
Полымем-пёклом,
Полным потоком
Огнь...*

Фабула и сюжет «Молодца» просты и прямолинейны, но повествование отличается косвенным характером и усложненностью. Из текста «выпадают» глаголы, паратакис и параллелизм подменяют собой стандартные способы выражения причинной связи в повествовании:

*Крыльев плеск
Возле плеч.
Воску треск.
Жар от свеч.*

Следующий фрагмент иллюстрирует дезориентирующее многоголосье «Молодца»: голос повествователя здесь один из многих и заглушается другими голосами из хора или голосами кого-либо из персонажей. Неизвестные, звучащие сами по себе голоса нередко мешают и противоречат друг другу, нарушая предполагаемую устойчивость повествования:

*– Конёц твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!*

*– Конёц твоим алым!
Жаром, жаром, жаром!*

*– Ай – жаль?
– Злей – жаль!
С одной пей!
Ай, шмель!*

*Во – весь
Свой – хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!*

В поэме используется еще один прием – соединение слов при помощи дефиса:

*Поедем-поедем!
К обедне-к обедне!*

*Покатим-покатим!
К причастью-к причастью!*

Здесь возникает как бы зеркальность, точнее эффект эха, что также свидетельствует о полилогичности текста.

Сходное графическое средство – тире – также использовано (иногда в соседних строках или четверостишиях) для разбивки слов на слоги (с образованием альтернативного ударения, невозможного в нормативной русской речи):

– Полно – грудые!
Круто – плечие!
– Пона – думалось,
При – мерещилось!

В поэме М. Цветаева использует все стилистические диапазоны, максимально эксплуатируя возможности каждого из них. На фоне нейтральной лексики все чаще появляются слова из разных стилистических пластов: устаревшие, особенно старославянизмы (*перста, взор, очи*); разговорные, стилистически сниженные (*шибче, чмокать, незнамо, жисть*), с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*часовенька, силушка, скореньки*); церковная терминология (*кадило, ладан, псалтирь, панихида*).

В поэме-сказке «Молодец» присутствует и такой прием, как корневой повтор, который выполняет чисто стилистическую функцию эмоционального усилителя:

Народ валом валит.
.....

*Все такое дивное,
Чудное чудится.*
.....

*Чтоб и в самом сонном
Сне тебя не вспомнить.*

Во всех этих примерах эмоциональный эффект связан с народнопоэтической традицией, а также с имитацией разговорной конструкции.

Для поэтического языка поэмы «Молодец» характерно обилие паронимических сближений квазиомонимов и квазиомографов – слов, различающихся единственным звуком:

*Тут к ней барин! Хваты!
– «Говори, как звать:
Имя, звание, род!»
.....
Вьется из рук,
Бьется из рук,
Рвется из рук,
Льется из рук.*

В «Молодце» Марина Цветаева широко использует паронимическую аттракцию анафорического типа:

*Рыбой из рук!
Рывом из рук!*

*Потухла,
Поникла,
Погасла.*

Выразительной силой в поэме обладают различного рода повторы, например, анафора и эпифора:

*То ль не зга,
То ль не жгонь,*

То ль не молодец-огонь!

*То ль не зарь,
То ль не взлом,
То ль не жар-костер – да в дом!*

*Пыл – в мраморах,
Пар – в мраморах,
Пир – в мраморах,
Жар – в мраморах.*

Марина Цветаева использует повторы, для того чтобы привлечь внимание слушателей или читателей, заставить вдуматься в значение слова, подчеркнуть его важность.

Эпитеты, используемые автором в «Молодце», не просто определяют какое-либо слово, они несут новую, порой неожиданную информацию, заставляют нас остановиться, задуматься:

*Красное приданое,
Щечки бесчувственные.*

*Вьется, лепится
Черной немочью...*

Любовь Маруси и Упыря страстная, тревожная, колдовская. Молодец с самого начала относится к Марусе как к неосуществимой, «несбытошной», «невозможной» возлюбленной.

Особого изучения требует синтаксис поэмы. Стилистически значимым может быть любой знак препинания, но только в условиях контекста. По мнению исследователей, у Цветаевой наиболее активным и многофункциональным является тире. Можно выделить такую функцию тире, как ритмомелодическая; тире используется для выражения жестких пауз, чеканности слога и т.д.

*Плывет – хлебом,
Плывет – медом.
Барин – следом:
Как запродан.*

Цветаева умело «рвет» стих, дробит его на части. Единицей речи является не фраза, а слог. «Помогая читателю войти в ее ритм, почувствовать их пружину, она последовательно применяла в своих книгах двойной принцип членения стиховой речи: словоразделение (через тире) и слогоразделение (через дефис)» [2].

В «Молодце» тире почти всегда употребляется для создания антитезы:

*Зорким – слепость,
Чутким – глухость.*

*.....
Робким – плеть,
Дерзким – ласть.*

Среди функционально-стилистического и семантического многообразия употребления тире необходимо выделить тире эмфатическое, которое чаще употребляется в поэме «Молодец». Эмфатическое тире используется М. Цветаевой вместо наиболее типичного, привычного, нормативного дефиса:

*«И – же хе – ру – вимы!»
Иг – ри – щем орлиным,
Ли – ствием гонимы...*

В следующих примерах тире в словах указывает на неограниченную долготу гласных и является звукоподражательным.

В те простор – ны – и.

.....
Не зна – ю, не...

«Рваность синтаксиса у Цветаевой, порой словно прямо воплощающая трагическую порванность цветаевской судьбы, – это и резкость переходов от слова к слову, от предложения к предложению. Это и крайняя выделенность отдельного слова, его прямое название» [3].

Каждый раз, перечитывая поэму М.И. Цветаевой «Молодец», можно находить для себя все новые и новые особенности ее языка. Марина Ивановна – великий искусник и изумительный мастер стиха.

В поэме встречаются строки, где последнее слово как бы недописано, недопроизнесено. Маруся даже сама себе не может признаться в том, что видела в церкви. И когда первая жертва Молодца – Марусин брат, умирая, пытается открыть сестре жуткую правду, – ее уши замкнуты для рокового слова:

– Сестрица, погиб!

Лют брачный твой пир,

Жених твой у –

Поэма начинается и кончается словом «синь». Синь небесная и вечная, в которую устремляется Маруся. «Любовь как «огнь синь», слияние жизни и смерти, колебания от жизни к смерти, жертва жизнью суетной ради жизни вечной – таково содержание «Молодца» [4, с. 147]. Поэма Цветаевой пронизана тончайшим психологизмом. Разбирать поэму – значит совершить путешествие в глубь души человеческой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Телетова Н.К.** Трагедия «Фауст» Гёте и поэма «Молодец» Цветаевой // Русская литература, 2000, № 1.
2. **Орлов В.** Марина Цветаева: Судьба. Характер. Поэзия / **Цветаева М.** Избранные произведения. – М., 1998.
3. **Адмони В.Г.** М. Цветаева и поэзия // Звезда, 1992, № 10.
4. **Маслова В.А.** Марина Цветаева: Над временем и тяготением. – Мн., 2000. – С. 147.

S U M M A R Y

Phonetical, lexical, syntactic analysis of the poem «Molodets» by Tsvetayeva is given in this article. The analysis of language peculiarities gives an opportunity to understand the inner world of the poetress characterized by specific laws, moral and ethical values.

Поступила в редакцию 26.01.2006